Эгон Кренц

УДК 94(430).087

Сведения об авторе

Эгон Руди Эрнест Кренц — экс-Председатель Государственного совета Германской Демократической республики.

E-mail: Deich1@gmx.de

СОЗДАНИЕ И КРАХ ГДР КАК ПОВОРОТНЫЕ ПУНКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Гостевая лекция Эгона Кренца в Государственном Университете в Санкт-Петербурге 17 ноября 2016 г. Печатается в авторской редакции.

Резюме

В своей открытой лекции, приуроченной к 27-й годовщине падения Берлинской стены и начала объединения Германии, непосредственный участник глобальных европейских событий эпохи Холодной войны, один из последних лидеров Германской Демократической республики Эгон Кренц затронул роль Советского Союза и США в послевоенном обустройстве Европы, проблему раскола Германии и образования двух немецких государств – ГДР и ФРГ, влияние Восточной Германии на общую дипломатическую и геополитическую обстановку в Европе и в мире, проблемы восточногерманского общества и объединения страны. Докладчик затронул также актуальные проблемы современных российско-немецких взаимоотношений, ясно озвучив озабоченность нарастающей демонизацией России, ее политики и ее лидера в среде германской политической элиты. В основной части выступления содержится ценная информация о деталях межгосударственного взаимодействия ГДР с СССР, а также с западными странами. Автор приводит подробный анализ разных причин неудачи ГДР в соревновании с ФРГ, но при этом убежден в том, что социализм как таковой не потерпел крах.

Ключевые слова: Германская Демократическая республика, ФРГ, СССР, Холодная война, Вторая мировая война, Берлинская стена, объединение Германии.

Egon Krenz

About the author

Egon Rudi Ernst Krenz — Chairman of the State Council of the German Democratic Republic (East Germany).

E-mail: Deich1@gmx.de

FORMATION AND COLLAPSE OF THE GDR AS TURNING POINTS OF EUROPEAN HISTORY

Guest lecture of Egon Krenz at Saint Petersburg State University in November 17, 2016. Printed in original edition.

Abstract

In his public lecture, dedicated to coincide with the 27th anniversary of the fall of the Berlin wall and the beginning of the reunification of Germany, the direct participant of global events during the Cold war, one of the last leaders of the German Democratic Republic Egon Krenz covered the role of the Soviet Union and the United States in the post-war reconstruction of Europe, the problem of division of Germany and the formation of two German States – GDR and FRG, the impact of East Germany on the diplomatic and geopolitical situation in Europe and the world, the problems of the East German society and the reunification of the country. The speaker also touched upon actual problems of modern Russian-German relations, clearly voicing concern at the growing demonization of Russia, its politics and its leader in the environment of the German political elite. In the main part of the speech contains valuable information about the details of interstate cooperation of the GDR with the USSR, as well as with Western countries. The author provides a detailed analysis of the full reasons for the collapse of the GDR in competition with West Germany, but is convinced that socialism itself has not failed.

Key words: German Democratic Republic, Federal Republic of Germany, USSR, the Cold War, the Second World War, the Berlin wall, The German reunification.

****

Глубокоуважаемые дамы и господа, дорогие друзья, сердечно благодарю за приглашение выступить с лекцией.

Меня радует оказанная мне честь быть гостем вашего богатого традициями университета. С.-Петербург – Ленинград являются для меня не только названиями города. Это синонимы чести России, силы ее людей, веры в будущее. 99 лет назад здесь началась Октябрьская революция, которая потрясла и изменила мир. Хотя есть историки и политики, принижающие ныне ее значение до «переворота», «путча» или «мятежа», по моему убеждению, это та

революция, которая вслед за Французской революцией 1789 г. по праву получила от истории определение «Великая». В этом городе ленинградцы боролись с фашистским варварством. Более миллиона из них заплатили своими жизнями, отдав их в борьбе с фашизмом. Без их самоотверженности мы не смогли бы встретиться друг с другом здесь и сегодня.

Хотя мне не хватает языковой практики, я постараюсь изложить свои мысли на вашем языке, что станет выражением моей привязанности к России, которая как часть Советского Союза внесла самый большой вклад в освобождение Европы от фашизма. С детских лет ваша страна близка мне как моя собственная.

Задним числом раздаются критические оценки в связи с отношением Советского Союза к ГДР и наоборот. И все же я утверждаю: обе страны добились эпохальных результатов для того, чтобы русские и немцы снова стали ближе друг к другу после Второй мировой войны. Гораздо больших, чем признается после 1990 г.

Будучи подростком, я еще видел плакаты нацистов, на которых русские изображались как «унтерменши» с ножом в зубах. Даже в Федеративной Республике в государственной доктрине до сих пор записано, что существует «угроза с Востока», то есть из России. Для первого канцлера Федеративной Республики Конрада Аденауэра Сибирь начиналась сразу за Эльбой, то есть там, где после Второй мировой войны начиналась советская зона. Для него и для его единомышленников ГДР была «государством-сателлитом», «агентом Кремля», «рукой Москвы» и тем самым представляла такую же опасность для Запада, как сам СССР.

Когда в 1990 г. многие русские проявили понимание в отношении немецкого единства, то это произошло еще и потому, что ГДР освободила слово «немец» от ненависти к другим народам и агрессии. Для многих граждан ГДР понятие «советский человек» было идентично слову «друг». Есть чудесная комсомольская песня «*Дружба – Freundschaft*» с обещанием: «*Всегда мы вместе, всегда мы вместе, ГДР и Советский Союз!*». История остановила это многообещающее развитие: больше нет Советского Союза и нет ГДР.

Однако такие ценности, как дружба, солидарность, взаимное уважение и человеческая близость, связывавшая граждан СССР и ГДР, не устарели. Смотря вам в глаза, понимаю, что большинство из вас принадлежит к поколению, выросшему в надежде на то, что война не является законом природы. Войны ведут люди, и люди же могут их предотвратить. Войны необходимо исключить из жизни человечества. Тот факт, что с 1945 по 1991 гг. войны в Европе не

было, это, в первую очередь, также заслуга поколений ваших родителей и предыдущих поколений, выигравших Великую Отечественную войну, разгромивших германский фашизм и затем с огромным трудом и лишениями восстановивших свою страну.

Мечта о миролюбивой Европе, которая казалось возможной после Второй мировой войны, разбилась, когда НАТО под руководством США начала бомбардировки Югославии. Таким образом, атлантический альянс превратил холодную войну в горячую — в центре Европы. Я убежден, что это было бы невозможно при существовании СССР. Дата развала Советского Союза стала для НАТО сигналом нарушить прежние обещания не расширяться на Восток.

Исходя из этого, я разделяю оценку вашего президента Владимира Путина о том, что крушение Советского Союза было глобальной политической катастрофой. Последствия этой драмы мы ощущаем еще и сегодня на каждом шагу. Много из того, что начиная с 90-х годов прошлого столетия пошло не так в нашем мире — на Украине, в Сирии, Ираке, Ливии или других частях света, — тесно связано с последствиями развала СССР и намерениями США выстроить остальной мир по своим представлениям. США заявляют, что считают НАТО важнейшим фактором «американского влияния в Европе»[1]. Они хотели бы, по словам Обамы, видеть Россию небольшой, в лучшем случае «региональной державой». Меня глубоко беспокоит враждебный образ России внутри НАТО, что, к сожалению, поддерживает и немецкое правительство.

В прежние годы я несколько раз оказывался 22 июня, в годовщины нападения фашистской Германии на Советский Союз, в кругу московских друзей. По собственному опыту знаю, что этот день также и в семьях связывался с патриотическими мыслями о том, что чужие армии никогда больше не должны оказаться так близко к границам отечества, как в тот день 22 июня 1941 г. В том числе с этой даты отсчитывается потребность вашей страны жить в надежных границах — и это должны понимать в особенности немцы. Я возмущен, что в этом юбилейном году агрессивный курс Запада по отношению к России еще более обострился.

Читая в Германии газеты, слушая радио или смотря телевизор, начинаешь думать, что во всех бедах на свете виновата Россия. Когда в 1990 г. стало возможным немецкое объединение, — во многом благодаря политике советского руководства, — я даже во сне не мог себе представить, что когда-нибудь в будущем немецкое правительство будет стремиться к «глобальным военным усилиям», однозначно направленным против российских интересов.

[1] Ср.: Spiegel-Gesprach. “Es ging um den Jackpot” // Der Spiegel. № 39. 27.09.2010.

Но это так — если посмотреть на новую военную доктрину страны, так называемую «Белую книгу по политике безопасности и будущему бундесвера»[2]. Примечательно, что федеральное правительство приняло этот документ 13 июня 2016 г., то есть незадолго до 75 годовщины нападения Германии на СССР.

Один из руководящих органов печати Федеративной Республики газета «*Франкфуртер Альгемайне Цайтунг*» заранее объявила о триумфе: «Десятилетия политической и военной сдержанности преданы забвению. Отныне Берлин активно участвует в формировании глобального порядка»[3]. Звучат ложные утверждения — «стремление российского президента к власти (является) одной из крупнейших угроз для Федеративной Республики»[4].

Все как раз наоборот. В самом начале своего президентства Владимир Путин изложил в немецком парламенте, бундестаге, принципы российской внешней политики, подчеркнул заинтересованность в хороших отношениях с ФРГ, назвав для этого и предпосылки. Никто из депутатов не может утверждать, что не понял Путина, который говорил на безупречном немецком языке. Шесть лет спустя он сделал то же самое на Мюнхенской конференции по безопасности. Он не оставил сомнений в том, что Россия не позволит себя шантажировать. Это произошло задолго до гражданской войны на Украине или решения жителей Крыма вернуться в Российскую Федерацию.

Теперь немецкое правительство всерьез считает, что Россия не является больше партнером для Германии и ставит под вопрос «европейский мирный порядок». На самом деле европейский мирный порядок встал под вопрос в тот момент, когда НАТО начало передвигать свои первоначальные границы с Эльбы и Верры в центре континента далеко на Восток — поближе к России. США и их союзники разместили свои вооруженные силы вдоль границ России, по своему усмотрению посылают туда военные силы, окружают страну. Германия практически представляет собой «острие копья НАТО» в непосредственной близости от вашей родины.

Мне все это напоминает годы системной конфронтации в Европе. НАТО регулярно проводило тогда маневры в считанных километрах от государственных границ ГДР и ЧССР и даже провокационно нарушало

---

[2] Белая книга по политике безопасности и будущему бундесвера является высшим основополагающим сводом документов Германии в области политики безопасности. Она определяет стратегическое положение и курс немецкой политики в области безопасности.

[3] *Leithäuser J.* Rolle in der Nato. Vom verlässlichen Partner zum Impulsgeber // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 08.07.2016.

[4] Источник: Die Welt, Springerverlag.

воздушное пространство. Главнокомандующий объединенными вооруженными силами Варшавской военной коалиции советский генерал армии П. Лушев охарактеризовал такие действия в свое время как источник агрессии. На закрытом заседании руководителей партий и государств Варшавской военной коалиции в Бухаресте 8 июля 1989 г. он заявил: «Все труднее оценить, идет ли здесь речь действительно о маневрах или о конкретной подготовке к агрессии. Нам необходимо … учитывать военную угрозу со стороны НАТО»[5].

В такой оценке ситуации с тех пор изменилось лишь то, что она стала еще опаснее в результате маневров НАТО на границе России. НАТО находится сейчас там, где, исходя из опыта советских граждан 1941 года, находиться не должно ни в коем случае. Российская Федерация защищается. И имеет на это право. Ни одна страна не пострадала за последние 100 лет в такой степени, как Россия. Однако на языке пропаганды НАТО это звучит так: «Россия является угрозой. Россия агрессивна». Россию снова причисляют к «империи зла». Возглавляемое США НАТО апеллирует в отношении России к международному праву, хотя само чаще всех его нарушало. В ходе недавнего визита в Германию Б. Обама призвал федерального канцлера А. Меркель послать немецкие войска в Прибалтику. У меня при этом перехватило дыхание. Мне хотелось бы услышать немецкий, а не американский ответ федерального канцлера на претензии Б. Обамы. Как мог бы выглядеть немецкий ответ, видно на одном примере — из совместной истории СССР и ГДР.

Этот ответ связан с именами Ульбрихта и Брежнева. Иногда сравнения хромают, но это кажется мне возможным при всех различиях по сути. Когда войска Варшавского договора вступили в 1968 г. в ЧССР, — как бы ни относиться к этому факту — войска ГДР в этом не участвовали. Брежнев и Ульбрихт договорились в ходе долгого телефонного разговора, что в силу зловещего немецкого прошлого Национальная народная армия ГДР не участвует в военной операции. «*Нет*» Ангелы Меркель в отношении немецких войск в Прибалтике могло бы стать сигналом России: мы извлекли урок из истории.

Те в Германии, кто не устаёт криминализировать существовавший до 1989 г. пограничный режим на внешней границе Варшавского договора от Балтики до Черного моря, принадлежат теперь к сторонникам передвижения границ НАТО на Восток. Какое лицемерие! Германо-российская и германо-

[5] Отчет главнокомандующего Объединенными вооруженными силами генерала армии П. Лушева на заседании Политического консультативного комитета стран-участниц Варшавского договора 7-8 июля 1989 года в Бухаресте. Архив автора.

советская история свидетельствует: лучше всего Германии было тогда, когда она имела хорошие отношения с Россией. Об этом знал железный канцлер Бисмарк, который с 1860 по 1862 гг. работал прусским посланником в Санкт-Петербурге. Имея в виду свою политику в отношении России, он, например, заявил: «Мы по-прежнему хотим искать мира с нашими соседями, в частности, с Россией… Я называю преимущественно Россию…». Такого преимущественного видения у федерального президента Гаука, к сожалению, нет. Хотя он уже заканчивает свое президентство и очень много путешествует вокруг России, государственного визита в Россию не состоялось.

Это никак не связано с антироссийскими настроениями большинства немцев. Таких настроений, на мой взгляд, нет. А вот восточные немцы склонны к тому, чтобы «*доверять путинской России*», — как свидетельствует один из опросов[6]. Это, конечно, позитивное следствие времен ГДР. Однако глава немецкого государства имеет, по-видимому, искаженное представление о России. Два года назад он выступил с речью в связи с 75-летим начала Второй мировой войны с надменными нападками на Россию. Он дискредитировал освобождение Польши советской армией, заявив, что оно привело лишь к замене «одной диктатурой другой, предшествовавшей»[7]. Вопреки правде он обвинил Россию в прекращении «де-факто сотрудничества с ЕС». В ультимативной манере он потребовал «изменения российской политики»[8] как предпосылки более тесного сотрудничества. Такая позиция кажется мне с учетом немецко-российской истории самонадеянной.

Когда 30 апреля 1945 г. красноармеец водрузил знамя Победы над немецким рейхстагом в Берлине, мне как раз исполнилось восемь лет. Я был слишком молод для того, чтобы разобраться в политических вопросах тогдашнего времени. Но в этом возрасте уже можно было понять, что война — это ужасно, а мир — хорошо. Мое последующее дружеское отношение к русским людям было заложено в первые послевоенные годы. Я познакомился с советскими солдатами, которые не были теми «варварами-унтерменшами», о которых сообщала нацистская пропаганда. Один из них был расквартирован недалеко от нашего дома. Он был офицером и переводчиком в военной

---

[6] Опрос Бертельсманн: «Отношение немцев к России расколото».

[7] Ср.: Речь Федерального Президента Йоахима Гаука на Почетном кладбище советских жертв войны в память о страданиях советских военнопленных 06 мая 2015 г. в г. Шлос-Хольте-Штукенброк // Веб-сайт федерального президента. ULR: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/05/150506-Holte-Stukenbrock-russisch.pdf?__blob=publicationFile (Дата обращения: 23.04.2017).

[8] Там же.

комендатуре. Каждый вечер, возвращаясь на квартиру, он приносил мне что-то съестное. Иногда это был черный и влажный солдатский хлеб, иногда сахар-рафинад или завернутое в газетную бумагу сало. Днем он иногда посылал меня к полевой кухне, размещенной в моем городе советской части. Там мне давали котелок, полный каши или супа из капусты. Тогда я выучил русские слова «хлеб», «сахар», «сало», «щи» или «каша». И запомнил их навсегда. Были вечера, когда русский сидел на каменных ступеньках перед домом и скручивал себе сигарету из газетной бумаги и табака. Однажды он начал напевать мелодию, которую я никогда до этого не слышал. «*Подпевай*», — предложил он мне. «*Я не смогу*», — ответил я. А он начал меня стыдить: «*Это же «Дикая роза» Гёте!*». Я впервые услышал о «Дикой розе» и Гёте. Не от немца, а от русского в советской военной форме.

В памяти остался огромный плакат из тех времен, который советские власти развешивали везде. На нем было написано: «*Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остаётся*». Того, кто это сказал, звали Иосиф Сталин. Тогда я начал понимать то, что знаю и сегодня: Советский Союз никогда не ставил знак равенства между немецким народом и немецким фашизмом. Советская армия разбила свастику, но не германскую нацию. Это факт, который невозможно переоценить. Лишь одна эта историческая истина оправдала бы особое место, которое немецкие правительства отводят в отношении к России. Аналогично тому, как это делает Федеративная Республика, например, в отношении Израиля в связи с Холокостом.

Дорогие присутствующие!

Параллельно со стремлением НАТО установить в мире новый порядок идет ожесточенная идеологическая борьба вокруг права интерпретировать историю XX-го века. Немало современных историков забыли применительно к истории СССР и ГДР старый как мир принцип написания истории: «*Sine ira et studio*» («*без гнева и пристрастия*»). Они заняты другим: осуждают прошлое вместо того, чтобы его анализировать. История XX-го века интерпретируется в очень сильной степени антикоммунистически и антисоветски.

Когда господин Гаук был избран федеральным президентом, он сказал, что лишь в 1990 г. стал, наконец, «после 56-летнего господства диктаторов» гражданином. Таким образом, он ставит на одну доску 12 лет гитлеровского варварства, 4 года советской оккупационной зоны и 40 лет ГДР. Это просто перевернутая история. Те, кто ставят рядом фашизм и ГДР, клевещут не только на ГДР, которая по праву понимала себя как антифашистское немецкое

государство. Подобный знак равенства означает и недооценку фашизма. Я умышленно говорю о «фашизме» и не называю его «национал-социализмом», — как это принято в Германии после 1990 г. Германский фашизм не был ни «национальным», ни «социалистическим». Он был однозначно преступным и не может быть сравнен или сведен к чему-либо.

Кроме того, такие сравнения скрывают то обстоятельство, что история между 1945 и 1990 гг. в Германии была борьбой двух противоположных мировых систем, двух враждебных друг другу военных блоков, двух противоборствующих государств, двух разных по сути идеалов и двух различных проектов будущего. Была бы воля СССР, а также коммунистов и социал-демократов в советской оккупационной зоне, Германия стала бы «единым, антифашистским, демократическим режимом, парламентско-демократической республикой со всеми демократическими правами и свободами для народа». Так говорится в призыве Коммунистической партии Германии от 11 июня 1945 г., который обсуждался накануне в Москве.

На востоке Германии под защитой советской власти началась, таким образом, антифашистско-демократическая революция. Ее основными вопросами были наказание нацистских и военных преступников, а также обширная программа демократических реформ. Предприятия нацистских и военных преступников были национализированы и переведены в народную собственность. В рамках земельной реформы сельские работники, мелкие и средние крестьяне получили собственную землю. Школьная реформа ликвидировала монополию на образование для богатых. Нацистам запретили быть учителями, а нацистским судьям — вершить правосудие. Тот факт, что советская зона оккупации и позднее ГДР 40 лет были закрыты для немецкого капитала, с точки зрения ныне правящих кругов, является главным преступлением ГДР. Поэтому отмена народной собственности была в 1990 г. осуществлена среди самых первых мероприятий после присоединения ГДР к Федеративной Республике.

В трех зонах, оккупированных западными державами, вскоре после войны началась реставрация старых капиталистических порядков. И лишь после создания в мае 1949 г. Федеративной Республики была образована 7 октября того же года ГДР. Создана она была не для того, чтобы расколоть Германию. Через несколько дней после образования ГДР ее президент Вильгельм Пик и премьер-министр Отто Гротеволь получили примечательную телеграмму из Москвы. В ней содержалась в концентрированном виде советская стратегия в немецком вопросе. Отправителем был Сталин. Он писал:

«Образование Германской Демократической миролюбивой Республики является поворотным пунктом в истории Европы». И назвал причину этого: «Нет сомнения, что существование миролюбивой демократической Германии наряду с существованием миролюбивого Советского Союза исключают возможность новых войн в Европе»[9]. Во избежание неверного толкования образования ГДР как раскола Германии в конце телеграммы говорится: «Пусть здравствует и процветает единая, независимая, демократическая, миролюбивая Германия»[10].

Идею немецкого единства Советский Союз продвигал и в 1952 г. В ноте западным державам он предложил установить немецкое единство путем общегерманских выборов. Западные державы отказались. Федеральный канцлер Аденауэр хвастался французскому министру иностранных дел: «Не забывайте, что я единственный глава правительства, который предпочитает единство Европы единству своего отечества»[11]. Вот почему исторически неопровержимо следующее: пока существовали Советский Союз и вместе с ним ГДР, в Европе не было войн. Вывод от противного означает в то же время, что исчезновение ГДР с политической карты мира также является поворотным пунктом для Европы: Впервые после 1945 г. в Европе снова стала возможной война — даже с немецким участием.

Несчастьем для немцев была не ГДР. Горестной датой для немцев стало 30 января 1933 г. Не приди к власти Гитлер, не было бы Второй мировой войны. Без войны не было бы ни поражения Германии, ни Ялты, ни Потсдама, ни ГДР, ни Федеративной Республики. Такова логика немецкой истории в XX-м веке. Тот, кто называет ГДР «неправовым государством», упускает из виду эти основополагающие связи.

Вообще-то довольно удивительно, как рука об руку идут, — с одной стороны, девальвация и искажение истории СССР и ГДР, и актуальная политика НАТО, — с другой. Запад по сей день скрывает настоящие причины раскола Европы и Германии. Как известно, раскол Европы был также связан с такими относительно непопулярными решениями, как военная защита границы путем строительства «берлинской стены» и ограничения поездок, которые вторгались глубоко в частную жизнь людей и, к сожалению, иногда стоили им жизни или здоровья. Эти связанные с расколом тяготы вырываются нашими

---

[9] Ср: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz Verlag, 1966. Band 7. S. 335-336.
[10] Там же.
[11] Цит. по: *Augstein R.* „Konrad Adenauer und seine Epoche“ // Der Spiegel. № 41. 09.10.1963.

критиками из исторического контекста, что ведет к ложному выводу: во всем этом виноваты одни коммунисты.

Я понимаю, что и вам и вообще всем следующим поколениям трудно понять, почему целый континент оказался десятки лет разделенным двумя военными блоками, почему посреди Германии проходила граница, а в Берлине через весь город построили стену. Не зная хорошо исторический контекст, не анализируя различные интересы участвующих сторон, невозможно справедливо оценить последствия раскола. Необходимо оценивать прошедшее изнутри того времени, когда это происходило. Всегда существовали две стороны. Одна реагировала на другую.

«Стена», «защита границы» и ограничения поездок не являются первичными (исконными) социалистическими ценностями. Это подтверждают, в том числе, современные постройки, существующие между США и Мексикой или между Израилем и сектором Газа или анонсированная Киевом стена вдоль границы с Россией. 13 августа отмечается теперь в Германии как дата позора ГДР. Как будто бы в немецкой истории никогда не было ничего хуже ГДР. Как известно, в этот день августа 1961 г. началось строительство «стены». Это произошло через 16 лет после окончания войны и через 12 лет после образования ГДР. Это означает, что ГДР до тех пор жила с открытой границей в Берлине. В результате чего ей наносился вред, угрожавший ее существованию. Открытая граница в Берлине была связана с потерями для ГДР, которые независимые эксперты оценивают в объеме от 100 до 130 миллиардов немецких марок. Это примерно соответствует сумме, выплаченной всей Германией после окончания Первой мировой войны державам-победительницам в качестве репараций. То, что в действительности произошло 13 августа 1961 г., стало результатом коллективного решения, принятого на встрече в Москве руководителей государств-участников Варшавского договора 3-5 августа 1961 г. Союзники исходили из того, что угрозу войны за Берлин необходимо предотвратить. Фактически 13 августа 1961 года — это международная дата.

Задним числом и вопреки истине утверждается, что стену хотела только ГДР. Это выражается, в частности, в нелепом утверждении о том, что Ульбрихт, якобы, принудил Хрущёва к строительству стены. Документально известно, однако, что президент США Кеннеди прокомментировал возведение стены словами: «Это не слишком красивое решение, но стена, черт побери, лучше, чем война»[12]. Державы-победительницы Второй мировой войны

[12] Ср.: *Kornelius S.* „Ich bin doch kein Berliner“ // Süddeutsche Zeitung. 13.08.2011.

фактически зацементировали в тот день свои сферы интересов. Можно выразиться более вежливо: речь шла об историческом компромиссе между западными державами и СССР.

Годы спустя, в сентябре 1988-го, Вилли Брандт тоже назовет 13 августа 1961 г. «датой облегчения» для западных держав. «Берлинская стена» всегда была на Западе расхожей метафорой раздела Европы пополам. Она не была «внутригерманской границей», — как постоянно утверждают в старой и новой Федеративной Республике. Она была внешней границей Варшавского договора с НАТО.

Между 1985 и 1989 гг. международная борьба вокруг «стены» усилилась.16 апреля 1986 г. М. С. Горбачев посетил Бранденбургские ворота в Берлине. Этот визит получил международное значение, поскольку Горбачев, как и его предшественники, одновременно был и «главнокомандующим объединенными вооруженными силами Варшавского договора». После основательного знакомства с пограничными сооружениями он сделал запись в гостевой книге пограничников: «У Бранденбургских ворот можно наглядно убедиться в том, сколько силы и мужества требует защита первого социалистического государства на немецкой земле от посягательств классового врага. Расчеты врагов социализма не оправдаются… Вечная память пограничникам, отдавшим жизни за социалистическую ГДР»[13].

Президент США Рейган ответил по-своему. Было это 12 июня 1987 г. Тогда он обратился не к Хонеккеру или правительству ГДР, так как он знал, что ГДР одна не могла выполнить то, чего он требовал. Со свойственным ему актерским пафосом он заявил: «Господин Горбачев, откройте эти ворота… Снесите стену!». Хотя советское руководство официально и отвергло это требование, но оно вскоре привело к разногласиям между нами по так называемому «немецкому вопросу». В доверительном документе Горбачев известил Хонеккера о том, что в разговоре с президентом Федеративной Республики Германия Рихардом фон Вайцзеккером он сказал следующее: «разделение Германии на две части и Берлинская стена — исторические факты и не предмет переговоров». Правда Горбачев умолчал в своем сообщении, что сказал федеральному президенту и другое: «Что будет через 100 лет, решит история». Руководство ГДР узнало об этом лишь из СМИ ФРГ. Это вызвало среди нас недоверие и неуверенность.

---

[13] Запись М.С. Горбачева в почетную книгу пограничных войск ГДР, 16 апреля 1986 г. Архив автора.

В 1971 г. по случаю 100-летия основания рейха Бисмарком советское руководство рекомендовало ГДР — вопреки точке зрения Вальтера Ульбрихта и вопреки конституции ГДР — исходить впредь из существования не одной германской нации, а двух наций — социалистической в ГДР и капиталистической в Федеративной республике. Тем самым немецкий вопрос должен был считаться навсегда закрытым, а существование двух немецких государств — закрепленным на все времена. И тогда, 17 лет спустя, мы небезосновательно предположили, что Горбачев хотел снова объявить немецкий вопрос открытым, не поговорив об этом серьезно с руководством ГДР.

Наше подозрение усилилось после телевизионного интервью советского министра иностранных дел Шеварднадзе в январе 1989 г., записанного в кулуарах заключительной встречи конференции по европейской безопасности в Вене. На вопрос журналиста, что будет с «берлинской стеной», он ответил: «Спросите об этом Фишера» [14] и улыбаясь добавил: «И конечно, Геншера». Если Хрущев в своих воспоминаниях еще признавался, что сам отдал приказ о строительстве стены — что в значительной мере соответствовало фактам, — то Шеварднадзе стремился свалить ответственность на одну ГДР, что было исторически неверно и на тот момент ставило ГДР в трудное положение.

Эрих Хонеккер отреагировал раздражительно: «Стена будет стоять и через 50 и через 100 лет, если имеющиеся для нее основания не будут устранены»[15]. Это оказало разрушительное внутриполитическое действие. Особенно молодые люди критиковали тот факт, что почти 80-летний человек хочет в одиночку определять, что будет через 100 лет.

Многие сочли это тогда доказательством политической неподвижности руководства ГДР. 7-8 июля 1989 г. состоялось заседание Политического консультативного комитета стран Варшавского договора в Бухаресте. Это был высший политический орган этих государств. Комитет собрался в чрезвычайной политической обстановке. Кризисы в государствах содружества происходили в регулярной последовательности. Как правило, это были кризисы в одной или нескольких странах, но никогда прежде они не случались в социалистическом содружестве в целом. В 1989 г. в Бухаресте я впервые почувствовал, что содружество социалистических государств больше не работает. Социализм в Европе и в его ключевой стране Советском Союзе уже

[14] Оскар Фишер был министром иностранных дел ГДР, а Геншер – мининдел ФРГ.
[15] Ср.: Речь Эриха Хонеккера на заседании Комитета Томаса Мюнцера 19 января 1989 года.

пребывал в глубоком экзистенциальном кризисе. СССР и ГДР вместе видели в этом угрозу не только для европейского континента.

Биполярность мира представляла собой наряду с военно-стратегическим равновесием нечто наподобие регулятора обеспечения мира. Каждая из сторон знала, что может пуститься в военную авантюру лишь под угрозой собственной гибели. Главы социалистических государств задавались тогда вопросом: что с «холодной войной»? Она закончилась? Венгерское руководство, считало, что «*да*». Горбачев на тот момент еще был против. Накануне, 6 июля 1989 г. он был гостем Совета Европы. Выступая перед Парламентской ассамблеей, он жаловался на то, что вмешательство НАТО во внутренние дела социалистических стран дает новый импульс «холодной войне». «Сложность заключается в том, — сказал он, — что Запад понимает преодоление раскола Европы как преодоление социализма». Таким образом он отвечал американскому президенту Джорджу Бушу, который в конце мая на саммите НАТО в Брюсселе потребовал включить Советский Союз в «ценностное сообщество Запада». Горбачев увидел в этом вербальную атаку НАТО на социализм в целом. Для него решения совета НАТО стали выражением новой конфронтации. И он предупредил, что «дестабилизация в Восточной Европе таит в себе немыслимо опасные последствия для всего континента».

Лишь несколько дней спустя президент США Джордж Буш начал генеральное политическое наступление на политику Горбачева. Он посетил Варшаву и Будапешт, рекламируя там реформы в духе Запада. В Будапеште он высказался прямо: комбинации «восточной власти» и «западной технологии» не будет. Американский президент не оставил сомнений в том, то США станут экономически и финансово помогать восточноевропейским странам лишь при условии коренного изменения политической системы страны в духе США.

К тому времени принятый в Бухаресте документ государств Варшавского договора умышленно искажённо интерпретировался на Западе — с целью посеять вражду между нашими государствами. Внушалось, что союзнической дисциплины в Варшавском договоре больше нет. Каждое государство, якобы, может делать теперь всё, что захочет. СМИ ссылались при этом на формулировку, согласно которой отношения между государствами-участниками Варшавского договора могли развиваться «на основе равенства, независимости и права каждого самостоятельно разрабатывать собственную политическую линию, стратегию и тактику без вмешательства извне».

Однако, с точки зрения ГДР, в этом не было ничего нового. Примерно то же самое говорили и все предшественники Горбачёва. Например, Брежнев в

1968 г. указал, что задача состоит в том, чтобы «последовательно отстаивать принципы равноправия всех стран социализма, их суверенитет и независимость, а также невмешательство в их внутренние дела». Что другое могли собственно сказать советские руководители? Может быть, подтвердить упрек Запада в том, что союзники — это «советские сателлиты»?

Тот, кто входит в союзнические отношения, знает, что теряет тем самым часть своего суверенитета. Это было так и не иначе — тогда и сегодня. Это признал также и федеральный министр Вольфганг Шойбле в отношении сегодняшней Федеративной Республики на встрече с банкирами в июне 2012 г., сказав следующее: «Начиная с 8 мая 1945 года, мы в Германии так никогда не были полностью суверенны»[16].

Насколько я знаю, Горбачев до 1989 г. никогда не утверждал, что любая страна может по своему усмотрению выйти из Варшавского договора или СЭВ. До 1989 года советские военные всегда исходили в отношении ГДР из общих интересов. Кроме того существовал пакт о помощи между СССР и ГДР, который так никогда и не был отменён. Даже если СССР был бы готов отпустить в полную независимость Болгарию, Чехословакию, Польшу, Венгрию и Румынию, в случае ГДР всё обстояло иначе. ГДР всегда была для Советского Союза особым случаем. Любое советское руководство справедливо учитывало, что в результате победы во Второй мировой войне Советский Союз разделял ответственность за послевоенное развитие во всей Германии.

Это наглядно показывает следующий эпизод: В конце июня 1989 г. советское руководство сообщило нам: «Группа советских войск в Германии переименована в Западную группу войск. Статус этих войск, как он определен в договоре об отношениях между СССР и Германией от 20 сентября 1955 года и других двусторонних договоренностях, а также права и ответственность, вытекающие из заключенных в военное и послевоенное время и действующих договоренностей и решений СССР, США, Великобритании и Франции, остаются без изменений». Советский Союз справедливо не собирался отказываться от своих послевоенных прав в отношении Германии. Западные союзники ведь тоже не отказывались от своих прав в Федеративной республике.

Здесь я хотел бы высказать личное соображение, которое считаю важным в отношении группы советских войск в Германии: Советская оккупационная зона и, позднее, ГДР отличались тем, что во главе размещенных здесь советских войск находились не только выдающиеся военные, но и личности с

[16] *Häring N.* Übt Schäuble Buße für den Weltkrieg // Handelsblatt. 01.06.2012.

глубоким пониманием проблем немцев. Я запомнил их как настоящих интернационалистов. Это известные военачальники — маршалы Советского Союза Жуков, Соколовский, Чуйков, Гречко, Захаров, Якубовский, Конев, Кошевой, Куликов, Куроткин, а также генералы армии Ивановский, Зайцев, Лушев и Снетков. Один ваш соотечественник, ленинградский ученый, генерал и профессор Сергей Иванович Тюльпанов заслуживает того, чтобы быть отмеченным особо. Он руководил информационным отделом Советской военной администрации в Германии. Многим он запомнился как «главный советский офицер по культуре», снискавший большие заслуги в деле преодоления нацисткой идеологии и укрепления антифашизма и демократии на востоке Германии.

Но вернемся к встрече в верхах в Бухаресте в июле 1989 г. Встреча еще не завершилась, когда ситуация в ГДР обострилась в небывалой до сих пор форме. Летом начался наплыв отдыхающих в Венгрию. Эта страна была излюбленным местом отдыха для граждан ГДР и уже многие годы — удобным местом встреч для семей из ГДР и ФРГ. Теперь пришло время, когда посольство Федеративной республики в Будапеште стало наполняться гражданами ГДР. 10 сентября венгерское правительство объявило: начиная с полуночи, границы с Австрией открываются для граждан ГДР. Таким образом, в разделительной линии между НАТО и Варшавским договором появилась первая большая брешь. Позже, когда граждане ГДР устремились также в посольство Федеративной республики в ЧССР, руководство ГДР во главе с Эрихом Хонеккером заявило, что не будет оплакивать тех, кто нас покинул.

Граждане ГДР ответили на это протестами под лозунгом «Мы остаемся». Реакции со стороны руководства не последовало, и родился другой лозунг: «Мы — это народ». Это не было требованием отмены ГДР или объединения Германии. Речь шла о внутренних реформах в ГДР. 9 октября 1989 г. в Лейпциге состоялась большая «демонстрация в понедельник» с участием 70 тысяч человек со всей ГДР. Шесть известных граждан Лейпцига выступили с призывом к демонстрантам сохранять спокойствие. Критики ГДР трактовали это воззвание как документ революции свободы, чуть ли ни в традиции революций 1848 и 1918 гг. Но его текст до этого не дотягивает. Буквально в нем говорилось следующее: «Все мы нуждаемся в свободном обмене мнениями о дальнейшем развитии социализма в нашей стране…». 9 октября стало призывом к руководству ГДР вести диалог с гражданами о будущем развитии ГДР.

С начала октября в руководстве ГДР происходила открытая борьба. Вместе с другими политиками ГДР я выступил с инициативой сместить Эриха Хонеккера. 18 октября 1989 г. меня избрали генеральным секретарем СЕПГ. Тогда я сказал о «повороте», которого надо добиться. Под этим я понимал обновление ГДР по примеру «перестройки» в Советском Союзе. К тому моменту мне еще не было ясно, что Горбачев с этой своей политикой уже провалился в собственной стране. Лишь позже я понял, что перестройка, возможно, и была добрым начинанием, но не имела серьезной и реализуемой содержательной направленности. Горбачев тогда говорил мне, что его высказывание на 40-летии ГДР «кто опоздал, того накажет жизнь» относилось не к ГДР, а к нему самому. Он начал перестройку слишком поздно.

Приняв полномочия, я пообещал, что свобода поездок для граждан ГДР будет закреплена законом. Тогда это требование было главным. «Свобода передвижения» превратилась в ключевое слово для многого другого. Если бы мы решили этот вопрос на несколько лет раньше, в 1989 г. кое-что могло пойти по-другому. Моя концепция «поворота», во всяком случае, не была направлена в сторону немецкого единства.

Это относилось, кстати, и к политическим партиям и движениям, вновь образовавшимся в то время. Объединение «Демократический прорыв» («Demokratischer Aufbruch»), пресс-секретарь которого — Ангела Меркель — является сегодня федеральным канцлером, подчеркивало: «Критическое отношение… к реально существующему социализму не означает отказа от перспективного видения социалистического общественного порядка».

Бербель Болей, одна из самых известных активисток осени 1989 г., так ответила на вопрос французской газеты «Фигаро» о немецком единстве: «Это — тема для выборных кампаний в Западной Германии. Западногерманский образ жизни полностью чужд для нас… ФРГ хочет такого объединения, при котором она продвинет свою модель. Восточные немцы, однако, не хотят лишаться 40 лет своей истории».

Ситуация коренным образом поменялась после открытия границ с ФРГ и Западным Берлином 9 ноября 1989 г. Политический класс ФРГ увидел свой шанс и усилил свое политическое влияние внутри ГДР и на ГДР. Рожденный в народе лозунг «Мы — народ» превратился в лозунг «Мы — один народ», и это изменение в основном навязывалось со стороны старой Федеративной республики.

Важной датой на пути к 9 ноября 1989 года была моя беседа с Горбачёвым 1 ноября в Москве. Я его спросил: «Михаил Сергеевич, какое

место Советский Союз отводит обоим немецким государствам в общеевропейском доме? На Западе есть спекуляции о том, что для ГДР в европейском доме больше места нет». Реакция на это Горбачёва произвела на меня впечатление, что не понял вопроса. Поэтому я добавил: «ГДР возникла после Второй мировой войны и в результате «холодной войны». Таким образом, она — ребенок Советского Союза. Мне важно знать, признает ли Советский Союз свое отцовство?» Горбачёв тогда отреагировал очень неожиданно: «О чем ты думаешь?» — спросил он и рассказал о недавнем разговоре его сотрудников с Бжезинским, которые спросили его, «могут ли США представить себе воссоединение Германии?». Бжезинский ответил, «для него это было бы крахом». Горбачёв как будто бы почувствовал мое недоверие и добавил: «В моих недавних беседах с Тэтчер, Миттераном, а также с Ярузельским и Андреотти стало ясно, что они исходят из реальностей послевоенного времени, включая существование двух немецких государств. Вопрос о единстве Германии всеми рассматривается как крайне взрывоопасный. Они выступают за сохранение Польши и Венгрии в Варшавском договоре. Равновесие в Европе нельзя нарушать, поскольку никто не знает, какие это будет иметь последствия».

Это были ясные высказывания, Горбачёв еще раз подтвердил, когда подвел итог: «Единство Германии, — сказал он, — не стоит в повестке дня. Об этом Советский Союз договорился с бывшими партнерами времен антигитлеровской коалиции. Товарищ Кренц, передай это, пожалуйста, товарищам в Политбюро СЕПГ». Это, дорогие присутствующие, мне заявил высший по рангу советский политик 1 ноября 1989 года!

С сегодняшней точки зрения, было, скорее всего, наивностью с моей стороны полагаться на него как на «друга и брата». Я не мог себе тогда представить, что руководство Советского Союза за нашей спиной выдаст ГДР ее политическим противникам. Еще 24 ноября 1989 г. советский президент послал мне информацию о подготовке его встречи с президентом Бушем на Мальте. В ней он подчеркнул: «ГДР была и остается нашим стратегическим союзником»[17].

Чего я тогда не знал, но давно задокументировано Хорстом Тельчиком, тогдашним советником Гельмута Коля: за три дня до этого доверенным лицом Горбачёва было переданы «актуальные соображения Москвы об объединенной Германии на семи страницах»[18]. Эта двойственность советской политики в

[17] Послание М.С. Горбачёва Э. Кренцу. Архив автора.
[18] Ср.: *Teltschik H.* 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin: Siedler Verlag, 1991.

связи с ГДР не могла, конечно, потрясти мое отношение к Советскому Союзу, но повлияла на мое мнение о Горбачёве.

Несколько лет назад окружение генерального секретаря ЦК КПСС опубликовало протоколы заседаний Политбюро ЦК КПСС[19]. Это 1400 страниц, записанных тремя советниками Генерального секретаря под руководством Анатолия Черняева. Меня глубоко поразило, что там говорилось о ГДР. Если отчеты соответствуют действительности, советское руководство самое позднее с 1987 г. играло с мыслью о немецком объединении.

Конечно, оно имело на это право. Но принимать решения о делах союзника и друга за его спиной, как я понимаю, нечестно. По крайней мере, это напоминает «змеиный язык». И уж действительно не имело ничего общего с гласностью.

Дамы и господа, о 9 ноября 1989 г. уже ходят бесчисленные легенды. Наверное, самая известная оговорка одного политика, имевшая всемирные политические последствия, в данном случае — члена Политбюро Гюнтера Шабовски, интерпретируется в СМИ по-разному. Иногда с аппетитом, чтобы уличить руководство ГДР якобы в отсутствии концепции. Иногда спекулятивно, мол Шабовски вдохновляла некая спецслужба. Последнее, кстати, я исключаю. Бумага, с которой он читал, была решением правительства об открытии границы, которое было предусмотрено 10 ноября 1989 г.

Вместо того, чтобы заявить, как это предусматривалось, об открытии границы 10 ноября, Шабовски, отвечая на вопрос одного из журналистов, несколько растерянно: «Если я правильно информирован, по моей информации, незамедлительно». Это создало для нас взрывоопасную ситуацию. Опасность ошибки Шабовски заключалась в том, что органы безопасности ГДР на тот момент еще не могли иметь приказов открыть границы. Возникшее положение могло легко привести к катастрофе.

После пресс-конференции тысячи берлинцев выдвинулись к границе. Но не для того, чтобы — как потом задним числом утверждалось — добиться воссоединения Германии, а вследствие роковой ошибки одного из членов руководства ГДР. Эту искаженную информацию многие поняли как приглашение совершить прогулку в Западный Берлин. Как можно было узнать из СМИ, сегодняшний федеральный канцлер Меркель тоже направилась по пути из сауны к границе. При этом она вовсе не думала, как пишут, что это означало «падение стены». И действительно, стена была демонтирована лишь

[19] Ср.: *Neef C.* “Tagebuch einer Weltmacht“ // Der Spiegel. № 46. 13.11.2006.

месяцы спустя. Тогдашний правящий бургомистр Западного Берлина Момпер назвал 9 ноября 1989 года «днем свидания, но не воссоединения».

Возможности для моих решений были в тот вечер крайне ограничены. Практически речь шла о вопросе: пусть всё идет, как идет или применить вооруженную силу для охраны госграницы?

Последнее было бы не просто игрой с огнем, но и возможно — с войной и миром. Это еще раз проявилось ранним утром 10 ноября 1989 г. Посол СССР в ГДР Вячеслав Кочемасов позвонил мне и сообщил, что в Москве обеспокоены событиями ночи с 9 на 10 ноября в Берлине. Когда я ответил, что ГДР согласовала свои новые условия для поездок с советской стороной, он сказал: согласовано лишь открытие границы между двумя немецкими государствами, но не открытие границы в Берлине.

На мое замечание о том, что альтернативой открытию границы было бы кровопролитие, он сказал: «Да, я тоже так считаю». Он порекомендовал мне отправить шифр. телеграмму Михаилу Горбачёву и проинформировать его обо всех подробностях открытия границы. Во второй половине дня 10 ноября Горбачёв передал мне в качестве ответа: сердечно поздравляю с мужественным решением «открыть пограничные переходы».

С федеральным канцлером Колем мы согласились в ходе телефонного разговора, что «открытие границы» ни в коем случае не означает ее устранение. Президент США Буш телеграфировал мне: США приветствует «Ваше решение открыть границы ГДР».[20] Во многих адресованных мне телеграммах и посланиях глав государств и правительств речь всегда шла об «открытии границы по решению правительства ГДР». Никто не называл это тогда насильственным «маршем против стены».

«Падение стены» и «штурм стены» — это идеологические понятия, введенные задним числом, чтобы заставить забыть о том, что открытие границ было, в конце концов, суверенным решение ГДР.

10 ноября Горбачёв обратил внимание Коля на опасности, связанные с открытием границы. Он предупредил Гельмута Коля: «При нынешних фактически открытых границах и огромных потоках людей в обоих направлениях может возникнуть хаотическая ситуация с непредсказуемыми последствиями…»[21]. Горбачёв призвал Гельмута Коля «принять необходимые и

[20] Телеграмма президента США Джорджа Буша председателю Государственного Совета ГДР Эгону Кренцу. Архив автора.

[21] Устное послание М. С. Горбачёва федеральному канцлеру Гельмуту Колю от 10 ноября 1989 г. Архив автора.

крайне срочные меры с тем, чтобы не допустить усложнения и дестабилизации положения»[22].

История, как известно, никогда не бывает безальтернативной. И в тот вечер она такой не была. Неразумной альтернативой открытию границу, как оно произошло в реальности, было возможное столкновение, похожее на гражданскую войну, или даже военная акция, в которую вероятно могли быть вовлечены и четыре державы-победительницы во Второй мировой войне.

Вечером 9 ноября 1989 г. по обе стороны открытых пограничных переходов в Берлине текли слёзы радости и шампанское. То, что не пролилась кровь, некоторые еще сегодня называют чудом. За это «чудо» отвечали, в первую очередь, органы безопасности ГДР, в частности пограничные войска, которые в тот вечер проявили большое чувство ответственности, не допустив кровопролития.

Дамы и господа, меня часто спрашивают: скажи одним предложением, из-за чего погибла ГДР?

Честно говоря, затрудняюсь ответить. Тема — слишком комплексная. Это смесь субъективных и объективных, внутренних и внешнеполитических факторов. Если все же говорить односложно, то я бы напомнил Ленина: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».[23] Возможно, мы не поняли тогда во всех социалистических странах, что эта фраза в обратном выводе содержит также предостережение, а именно: Новый общественный строй проиграет, если не достигнет более высокой производительности труда по сравнению с капитализмом. Кому-то это покажется старомодным, но для меня актуально: марксизм не устарел.

Вероятно, существует немало различных объяснений конца реально существующего социализма. Можно всё свалить на престарелых господ наверху. Можно придерживаться мнения, что эксперимент с социализмом вообще нельзя было начинать. Или поверхностно утверждать, что «социализм рухнул под собственной тяжестью». Но это не имеет ничего общего с серьезным анализом.

Научное объяснение конца европейского социализма возможно лишь с помощью исторического материализма и материалистической диалектики. Крах ГДР не был несчастным случаем истории, устроенным несколькими личностями как результат их неправильной политики.

---

[22] Там же.

[23] *Ленин В. И.* Великий почин // ПСС. 5-е изд. Т. 39. М., 1970. С. 21.

В ходе своей изменчивой истории ГДР часто страдала от политического бойкота, экономических блокад и научно-технического эмбарго. ГДР сломалась в борьбе систем. Это связано с историческими условиями и объективными общественными закономерностями. Назову некоторые из них (по порядку, но не значению). С моей точки зрения, решающие причины падения ГДР таковы:

- *Исторические причины*. Восточная Германия сильнее пострадала от раскола Германии, чем Западная Германия. Еще разрабатывая Основной закон для Федеративной республики, его авторы в 1949 г. отказывали восточногерманскому государству в праве на существование. В частности: «Вся германская территория вне Федеративной республики является ирредентой», то есть понимается как территория под чужим господством, «возвращение которой необходимо добиваться любыми средствами». А кто не подчинится этому, должен «рассматриваться и преследоваться как государственный изменник»[24]. В области промышленного развития еще в предвоенное время имелся разрыв между Западом и Востоком, который унаследовала ГДР. До конца 50-х гг. ГДР выстраивала свою политику в направлении единой Германии. Это выражается также в ее национальном гимне, в котором есть такие слова: «Будем служить тебе ради добра, Германия единое Отечество». Это был контрпроект по отношению к немецкому национализму, провозгласившему миру: «Германия, Германия превыше всего». Федеративная республика с самого начала претендовала на то, чтобы «говорить за всех немцев». Она отказывалась уважать государственное гражданство ГДР.

Эта политика, известная также как «доктрина Хальштейна», десятилетиями изолировала ГДР, принесла ей политический и экономический вред, а также препятствовала передвижению граждан. Когда в Бонне говорили о «воссоединении», то имели в виду, как это было принято называть, «освобождение ГДР от большевистского советского господства и насилия». Приоритетом для Бонна всегда была интеграция с Западом. Руководящий принцип гласил: «Лучше половина Германии целиком, чем вся Германия наполовину».

- *Причины, связанные с войной.* Вторую мировую войну проиграла вся Германия, но только Восточной Германии и позднее ГДР пришлось за это заплатить. Германия нанесла чудовищный ущерб, прежде всего, соседям на востоке. Советский Союз не мог из-за разрушения своей страны отказаться от репараций. Исполнение ГДР репарационных обязательств в 25 раз превышало показатели старой Федеративной республики. В расчете на душу населения

[24] Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 1952. № 39. S. 401.

каждый гражданин ГДР выплатил репараций на 16.124 немецких марок, а на каждого «бундесбюргера» пришлось 126 немецких марок. ФРГ получила план Маршала, а ГДР выплачивала репарации. Это было несправедливое разделение труда. После окончания войны в Западной Германии, к примеру, было 100 доменных печей в рабочем состоянии, а на Востоке — лишь 4, к тому же поврежденных в ходе войны. Профессора Бременского университета подсчитали в 1989 году, что старая Федеративная республика должна была бы, собственно говоря, заплатить за это ГДР компенсацию ущерба с учетом процентов и сложных процентов в размере 727 миллиардов немецких марок.

- *Экономическое неравенство.* Не все, но многие ограничения, с которыми вынуждены были жить граждане ГДР, базировались на экономическом давлении. Когда сегодня говорят о «дефицитной экономике ГДР», забывают, что ГДР постоянно испытывала недостаток сырья, который негативно сказывался на ее экономике. Кроме того, неустойчивое состояние немецко-немецкой торговли вынуждало ГДР строить собственную тяжелую промышленность, что привело к огромным расходам. Производство потребительских товаров, включая автомобилестроение, испытывало из-за этого трудности. Символическое соревнование мировой марки «*Мерседес*» с маленьким семейным автомобилем «*Трабант*» было неравным и не могло быть выиграно ГДР.

В 1950 г. отставание производительности труда в ГДР от молодой Федеративной Республики составляло около 60-70 процентов. ГДР смогла сократить отставание, но в 1989 г. оно все еще составляло 45 процентов. В этом заключается также одна из причин недостатка средств для удовлетворения важных пожеланий граждан ГДР.

- *Раскол валют.* Настоящей исходной точкой раскола Германии стало 20 июня 1948 г., когда западные союзники ввели в Западной Германии и Западном Берлине собственную валюту. Эта сепаратная валютная реформа сделала возможным экономический подъем в Федеративной республике, вошедший в историю под именем «экономического чуда», а Восточная Германия сохранила неконвертируемую валюту и тем самым фактически была исключена из западного рынка.

В то время как Федеративная республика имела в лице США и других западных государств сильных экономических партнеров, ГДР была связана с восточными экономически слабыми государствами, к тому же существенно более серьезно пострадавшими от войны, чем сторонники ФРГ. План Маршала представлял собой политическую и экономическую стратегию США по

превращению Федеративной республики в «витрину для Востока». Берлин стал городом с двумя валютами, конвертируемой немецкой маркой и неконвертируемой старой рейхсмаркой и, позднее, маркой ГДР. В западноберлинских обменных пунктах можно было обменять немецкую марку на марку ГДР по спекулятивному курсу. Шла вербовка специалистов. ГДР не могла далее выдерживать это экономически.

Несмотря на такой ущерб ГДР, не была в 1989 году банкротом, как это до сих пор с удовольствием утверждают определенные люди. Вплоть до своего конца ГДР оплачивала все счета и к тому же имела активы в некоторых странах.

- «*Холодная война*». Проходившая через Германию граница была безопасной в военном отношении как никакая другая в мире. Это была граница между системами, военными союзами и экономиками. На этой разделительной линии решался, в том числе, и вопрос о том, чтобы «холодная война» не стала горячей. Размещенных здесь военнослужащих и вооружений хватило бы для того, что две общественные системы взаимно уничтожили друг друга.

ГДР была на востоке главным районом развертывания для Варшавской военной коалиции, а ФРГ на западе — для НАТО. Возникавшие в связи с этим экономические нагрузки существенно ослабляли инвестиционные возможности ГДР.

- *Дефициты в развитии демократии*. В теории социалистическая демократия должна превосходить буржуазную демократию, которая обладает в значительной мере формальным характером. Она могла и должна была превосходить. В некоторых областях это имело место. Однако возможные реформы политической системы и в целях развития социалистического правого государства долгое время не начинались. Это касалось также свободных и тайных выборов под общественным контролем, суверенности парламентов снизу доверху и участия граждан в управлении.

- *Недооценка роли теории*. Фридрих Энгельс в свое время хвалил теоретический смысл в немецком рабочем движении. К сожалению, он недооценивался в нашей политике. Хотя постоянно подчеркивалось значение марксизма-ленинизма, на практике он применялся в узком смысле для комментирования и популяризации партийных решений. В результате марксистская теория лишилась своей функции инструмента анализа общественного развития, источника идей и критического сопровождения политики партии и государства. Вырванными из контекста цитатами Маркса,

Энгельса и Ленина слишком часто злоупотребляли для оправдания далеких от практики решений.

- *Системный кризис во всех европейских социалистических странах.* Начиная с 70-х гг., социалистические страны Европы не смогли воспользоваться научно-технической революцией. Они отстали в экономическом соревновании с Западом. Их система планирования больше не соответствовала необходимым требованиям. Сотрудничество в рамках СЭВ уже не работало. Действительность все сильнее отдалялась от идеала социализма. Произошла потеря доверия к руководству стран со стороны большой части населения.

- *Судьба ГДР была неотделимо связана с СССР.* ГДР всегда была частью целого, которое простиралось от Тихого океана на востоке до Эльбы и Верры на западе. С конца 70-х годов руководство ГДР чувствовало, что в отношениях с СССР имелись трудности. В 1982 г. Леонид Брежнев послал к Эриху Хонеккеру секретаря ЦК Русакова, чтобы сообщить о том, что СССР больше не может поставлять нефть в согласованных объемах. Это ударило по жизненному нерву ГДР. Советская нефть была артерией жизни нашего народного хозяйства. Это сообщение обосновывалось — цитатой: «Беда нависла над Советским Союзом»[25]. Было сказано, что Советский Союз находится в драматической фазе, как во времена Брестского мира.

Мы терялись в догадках, что бы это могло означать?

Этого нам так никогда и не объяснили. В случае Брестского мира, как известно, речь шла о том, быть или не быть Советской России. Неужели в 1982 г. с Советским Союзом всё было так плохо? Вместо того, чтобы самим осмыслить события и открыто говорить об этом с населением, мы в ГДР взывали к преемственности, которую уже нельзя было сохранить в новых условиях. Население ГДР было не только хорошо образованным, оно также было в высокой степени политически заинтересованным. Оно бы хорошо поняло открытые слова, какими бы жесткими они ни были. В то время как наши медиа изображали благополучный мир, граждане видели, как далеко отдалились друг от друга идеал и действительность.

Здесь мы подошли к *более широкой проблеме*. По мере усиления внутренних и внешних трудностей Политбюро под руководством Эриха Хонеккера, в которое входил и я, разучилось слышать настроение населения. Это омрачало отношения доверия между руководством и населением.

[25] Запись беседы Эриха Хонеккера с товарищем Русаковым. Архив автора.

Когда я говорю о вкладе ГДР в ее разрушении, то вспоминаю еще одну мысль Ленина, которая точно описывает проблему: «Все революционные партии, которые до сих пор гибли, — гибли оттого, что зазнавались и не умели видеть, в чем их сила, и боялись говорить о своих слабостях».[26] Выбор Горбачёва на пост Генерального секретаря ЦК КПСС давал, возможно, последнюю возможность разработать общую стратегию всех европейских социалистических стран. Этот шанс был упущен.

12 и 13 марта 1985 г. я сопровождал Хонеккера на похоронах генерального секретаря Черненко. С первого дня, когда Горбачёва принял скипетр, я был рядом. Садясь в самолет в Берлине, мы еще не знали, кто в Москве станет новым генеральным секретарем. После приземления нас принял легендарный Громыко, министр иностранных дел и член Политбюро, еще в 1945 г. сопровождавший Сталина на Потсдамской конференции. Он собрал нас в небольшом кругу и сообщил новость. Центральный комитет, сказал он, выбрал Михаила Сергеевича Горбачёва. Он, Громыко, внес это предложение. Затем он сделал маленькую паузу, обвел всех нас взглядом и, наконец, сказал: «Вообще-то можно было избрать и меня. Но я не хотел, чтобы вам пришлось в следующем году снова приезжать на похороны».

Таким образом опытный партийный и государственный функционер обозначил настоящую дилемму: в течение трех лет умерли три генеральных секретаря ЦК КПСС, страна находилась в глубоком застое, после чего, наконец, была выбрана более молодая кандидатура, от которой ожидали поворота руля в сторону укрепления социализма. Как миллионы людей в мире, я также видел в нем носителя надежд. Я был убежден, что сплоченность с Москвой была для ГДР вопросом жизни, независимо от того, кто там у власти.

Горбачёв вскоре заговорил о «новом мышлении». Здесь была одна загвоздка: Запад вообще не собирался мыслить по-новому. НАТО вооружалось, а СССР терял военное равновесие. Когда Горбачёв на встрече с Бушем на Мальте в одностороннем порядке заявил об окончании «холодной войны», Буш объявил США победителем в этой войне. Этим он доказал, что вовсе не заинтересован в настоящем прекращении вражды. В действительности «холодная война» продолжалась.

Оглядываясь на 1989 г., Брент Скоукрофт, советник по вопросам безопасности нескольких американских президентов, заявил: «У нас был план.

---

[26] *Ленин В.И.* Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта 1921 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 45. М., 1970. С. 118.

У Горбачёва нет». Это похоже на ключевой момент, который я могу дополнить собственным знанием.

На рубеже 1989 г. Эрих Хонеккер дал мне прочитать строго секретную информацию. Он получил ее от надежного источника в Белом доме. Там говорилось: «Новый президент США не собирается идти на стратегическое партнерство между США и СССР, которого добивается Горбачёв. Не США должны двигаться навстречу СССР, а Горбачёв — навстречу США». План США обсуждался на саммите НАТО в Брюсселе в конце мая 1989 г. В результате дестабилизации Советского Союза США видели шанс добиться того, что не было возможно достичь в горячей войне: принудить СССР и его союзников к капитуляции.

Несколько лет назад немецкий министр Вольфганг Шойбле рассказал читателям газеты «*Нойес Дойчланд*», что еще в апреле 1989 г. посол США Вернон А. Уолтерс сказал ему: «воссоединение» состоится еще во время его работы. Все реальные политики исходили тогда из того, что в ближайшие десятилетия не будет никакого объединения двух немецких государств. Так что провидцем, подобно американскому послу, мог быть только тот, кто был одним из авторов концепции устранения СССР в качестве соперника. Ведь он был специалистом по организации переворотов в других странах.

Теперь уже понятно, что для США речь шла не только о немецком вопросе. Он не был их главной целью. Он был лишь средством для вытеснения вооруженных сил СССР из центра Европы. США и сегодня еще там. Их атомное оружие тоже. Кондолиза Райс, позднее госсекретарь США, призналась задним числом: с объединенной Германией, встроенной в НАТО, «влияние Америки в Европе было обеспечено»[27].

Когда в 1989 г. стены пали, многие люди связали это с надеждой на то, что новых стен строить не будут. Однако мы очень далеки от этого в мировой и европейской политике. Германия не стала после 1990 г. более миролюбивой, более социальной и справедливой. Германия объединена с государственно-правовой точки зрения, но остается по-прежнему расколотой в социальном, экономическом, а также ментальном отношениях.

Народная собственность ГДР была ликвидирована. Лишь 5 процентов этой собственности остались в восточногерманских руках, 85 процентов перешло в западногерманскую, а еще 5 процентов — в международную собственность. На востоке существует более высокая безработица, чем на западе, зарплаты и пенсии там тоже все еще ниже. Не реализован принцип

[27] Spiegel-Gesprach. "Es ging um den Jackpot" // Der Spiegel. № 39. 27.09.2010.

«равная оплата за равный труд и равные пенсии за одинаковый трудовой вклад». Более 100 тысяч ученых ГДР — ваши коллеги из университетов и академий ГДР — практически в одночасье стали пенсионерами, досрочными пенсионерами или безработными.

Хотя на Восточную Германию приходится около 20 процентов населения Федеративной республики, лишь 5 процентов восточных немцев занимают ведущие позиции в политике, юстиции, армии, СМИ, культуре и правлениях компаний. Федеральный президент и федеральный канцлер — с востока, но это не связано с их биографиями в ГДР. Их выбрали скорее после того, как западногерманские кандидаты на эти должности оказались политически и морально изношенными.

Дамы и господа, возможно, вы заметили: я говорю не о крахе социализма, а его поражении. Для меня это не формальный вопрос выбора слов.

Крах связан с чем-то окончательным. Поражение — это скорее что-то временное. Если бы социализм потерпел крах, это может означать, что у него и в будущем нет шансов, и капитализм все же есть конец истории. Социализм — как бы его ни называли в различных политических лагерях — ранний или государственный социализм, советского типа, реально существующий или так называемый, — он был до сих пор в мировой истории единственной реальной силой, противостоящей империализму. О нем можно сказать много критического. Но и много хорошего.

Что стало бы с Европой и миром, если Советский Союз не нанес бы решающий удар по германскому фашизму? Как повели бы себя колониальные державы по отношению к своим колониям?

Развал колониальной системы невозможно себе представить без влияния Великой Социалистической Октябрьской революции. Без социализма была бы не только «холодная война», но и новая третья горячая война.

История — это не прямолинейный путь к общественному прогрессу. Есть эпохи регресса и стагнации. Но несмотря на всё — развитие производственных сил со всеми его последствиями продолжается. Это значит, что раньше или позже будут предприняты новые и наверняка более перспективные попытки коренного переустройства общества. В этом смысле я — оптимист.

В заключение позвольте мне высказать несколько замечаний сугубо личного характера.

Узы дружбы, которые складываются между людьми в юности и сохраняются неразрывными до глубокой старости, имеют в своей основе не только одну лишь личную симпатию. Залог их внутренней крепости

заключается еще и в том, что носители этой дружбы разделяют идеалы и политические взгляды друг друга, которым они посвящают всю свою жизнь.

Все сказанное целиком и полностью относится ко многим моим друзьям здесь в стране, моя дружба с которыми уходит корнями еще во времена Советского Союза. Эта дружба пережила все крутые политические виражи и все удары жизненных бурь нашего времени. Потому что это была, как мы тогда говорили, комсомольская дружба. Узы этой дружбы прочно связали меня с тогдашними комсомольскими лидерами, моими соратниками по молодежному движению, – Евгением Тяжельниковым, Борисом Пастуховым и Виктором Мишиным. В полной мере я ощутил всю глубину и искренность чувств их солидарности, когда находился в заключении в германской тюрьме. Движение в мою поддержку организовал и координировал тогда Евгений Тяжельников. Благодаря этому ко мне, прямо непосредственно в тюремную камеру, приходили многочисленные послания из России со словами поддержки и солидарности. И за все это я хотел бы сегодня выразить организаторам и авторам этих посланий самую сердечную благодарность.

Благодарю за внимание.

(*Бурные и продолжительные аплодисменты*)

ЛИТЕРАТУРА

Ленин, Владимир Ильич. Великий почин // ПСС. 5-е изд. Т. 39. М.: Издательство Политической литературы, 1970. С. 1–29.

Ленин, Владимир Ильич. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта 1921 г. // ПСС. 5-е изд. Т. 45. М.: Издательство Политической литературы, 1970. С. 117–130.

Augstein, Rudolf. "Konrad Adenauer und seine Epoche" // Der Spiegel. № 41. 09.10.1963.

Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 1952. № 39.

Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz Verlag, 1966. Band 7. 517 S.

Haring, Norbert. Ubt Schauble Busse fur den Weltkrieg // Handelsblatt. 01.06.2012.

Kornelius, Stefan. "Ich bin doch kein Berliner" // Suddeutsche Zeitung. 13.08.2011.

Leithauser, Johannes. Rolle in der Nato. Vom verlasslichen Partner zum Impulsgeber // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 08.07.2016.

Neef, Christian. "Tagebuch einer Weltmacht" // Der Spiegel. № 46. 13.11.2006.

Spiegel-Gesprach. "Es ging um den Jackpot" // Der Spiegel. № 39. 27.09.2010.

Teltschik, Horst. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin: Siedler Verlag, 1991. 380s.

REFERENCES

Augstein, Rudolf. "Konrad Adenauer und seine Epoche", in *Der Spiegel*. № 41. 09.10.1963.

Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Bonn, 1952. № 39.

Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin: Dietz Verlag, 1966. Band 7. 517 S.

Haring, Norbert. Ubt Schauble Busse fur den Weltkrieg, in *Handelsblatt*. 01.06.2012.

Kornelius, Stefan. "Ich bin doch kein Berliner", in *Suddeutsche Zeitung*. 13.08.2011.

Leithauser, Johannes. Rolle in der Nato. Vom verlasslichen Partner zum Impulsgeber, in *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* 08.07.2016.

Lenin, Vladimir Il'ich. Velikij pochin [Great initiative] in *Polnoe sobranie sochinenij [Complete Collection of works]*. 5-e izdanie. Vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo Politicheskoj literatury Publ., 1970. P. 1–29. (In Russian)

Lenin, Vladimir Il'ich. Zakljuchitel'noe slovo po politicheskomu otchetu CK RKP(b) 28 marta 1921 g. [Final word on an political account of CC RCP(b) in March 28, 1921], in *Polnoe sobranie sochinenij [Complete Collection of works]*. 5-e izdanie. Vol. 45. Moscow: Izdatel'stvo Politicheskoj literatury Publ., 1970. P. 117–130. (In Russian)

Neef, Christian. "Tagebuch einer Weltmacht", in *Der Spiegel*. № 46. 13.11.2006.

Spiegel-Gesprach. "Es ging um den Jackpot", in *Der Spiegel*. № 39. 27.09.2010.

Teltschik, Horst. *329 Tage. Innenansichten der Einigung*. Berlin: Siedler Verlag,1991.380 s.